

УДК 316.7

Воспитание воинской нравственности в рыцарских романах артуровского цикла

Зверев Сергей Эдуардович

Кандидат педагогических наук, доцент,
Военная академия связи им. С.М. Буденного,
194064, Российская Федерация, Санкт-Петербург, просп. Тихорецкий, 3;
e-mail: ser86979392@yandex.ru

Голубева Елена Юрьевна

Старший прокурор,
Главное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Дмитровка, 15а;
e-mail: golubel@yandex.ru

Аннотация

Рыцарство, как главное воинское сословие средневековья со своим менталитетом и нравственным кодексом, образовалось в ходе Крестовых походов. Особенности складывающегося постепенно нравственного кодекса рыцарства можно проследить, анализируя рыцарские романы артуровского цикла. В статье произведена периодизация рыцарских романов XI-XV вв. по принципу отражения основных параметров кодекса чести рыцарства в зависимости от изменяющихся исторических условий. Отмечается, что по мере обмирщения целей Крестовых походов и роста ожесточения войн, заметно деградировала нравственность героев романов, обеднялась лексика и стилистика, упрощались сюжетные линии. Искренняя религиозность героев трансформировалась в мистицизм, а культ Прекрасной Дамы – в чуть облагороженную чувственность и сластолюбие. Постепенно рыцарские романы перестали выполнять свою главную функцию – воспитания нравственности воинского сословия. Наступлению эры огнестрельного оружия предшествовала девальвация нравственных ценностей рыцарства, деградация его духовного облика, что предопределило падение его авторитета в европейском обществе фактически до полной утраты им своего значения на поле боя.

Для цитирования в научных исследованиях

Зверев С.Э., Голубева Е.Ю. Воспитание воинской нравственности в рыцарских романах артуровского цикла // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 2А. С. 22-30.

Ключевые слова

Воинская нравственность, рыцарство, кодекс чести, воинское сословие, куртуазность, Крестовые походы.

Введение

Возникновение воинской нравственности, призванной облагородить воинское служение, связано с рыцарством. Само это слово подразумевает образ мыслей и поведение, определяющиеся воинским кодексом чести. До возникновения рыцарского сословия ничего подобного мы не обнаруживаем ни в эпосе, ни в истории древнего мира, ни в период, который именуется «темными веками», с VI по X век.

Эпические герои, у которых можно найти много привлекательных черт, движутся личными духовными качествами, которые могут вызывать восхищение и желание подражать им, *но не являются обязательными* для всего воинского сословия. Нравственность исторических персонажей слишком часто оценивалась по принципу «победителей не судят» и потому также оказывала опосредованное влияние на нравственность современников и потомков. И только рыцарство смогло выработать и на века закрепить в массовом сознании нравственный идеал, благодаря которому, по выражению Ф. Кардини «рыцарь и для нас, сегодняшних людей, граждан мира, лишенного покровов сакральности, прекраснее какого-нибудь банковского служащего» [Кардини, 1987, 57].

Зарождение рыцарства

Выдающаяся роль в процессе формирования мировоззрения рыцарства принадлежит литературе XI–XII вв., которая получила свое название от имени сословия, чью жизнь и подвиги она воспевала, идеализировала и кого воспитывала — литературе артуровского цикла. Основу ее сюжетов составляло жизнеописание легендарного короля Артура, собравшего вокруг себя дружину Круглого Стола, символизировавшего равенство в слове и доблести всех восседавших за ним героев.

Фактически до появления рыцарских романов рыцарства как такового не существовало. Римское слово *miles* (воин) широко фигурировало на страницах исторических хроник вплоть до X в. для обозначения конных бойцов королевских дружин; его еще не вытеснили *ritter* (нем.), *knight* (англ.), *chevalier* (франц.), которые обозначают собственно рыцаря [Бартлет, 2007, 103]. Соответственно, и нравы этого воинства порой потрясают воображение, свирепостью и своеволием. Например, герой поэмы «Рауль де Камбре», отражающей события X в., предстает воистину чудовищем, который ни Бога не боится, ни людей не стыдится. Разоряя владения своего соперника, он велит «раскинуть мою палатку посреди церкви, устроить мне ложе перед престолом, посадить моих соколов на золотое распятие» [Ефимова, 2003, 20]; не удовлетвовавшись бесчинством, сжигает монастырь с сотней монахинь, одна из которых — мать его оруженосца.

Понятно, что такие воины представляли для населения в мирное время такую же угрозу, как и для врага на войне. Эта угроза стала особенно очевидной после отражения натиска арабов в VII в. и венгров в X в.: кровавые европейские междоусобицы грозили существованию Церкви, светской власти и развитию цивилизации. В X–XI вв. остро ощущалась необходимость в объединяющей идее, позволявшей канализировать агрессивность зарождавшегося рыцарства, его жажду подвигов, власти и наживы куда-нибудь подальше от европейского «Божьего мира». Как известно, эта идея была озвучена папой Урбаном II на Клермонском соборе 1095 года.

Энтузиазм, охвативший все сословия, выразился в серии Крестовых походов, благодаря которым рыцарство постепенно обрело облик, благодаря которому оно осталось в веках.

Интерес к теме крестовых браней, возросшая популярность рыцарства выразились в появлении жанра рыцарского романа, который развивался в европейской литературе на протяжении почти четырех веков, довольно точно отражая историческую действительность.

На первых порах история не предлагала достойного материала для отображения ее в литературе – достаточно вспомнить, какими распрями в крестоносном воинстве ознаменовалось начало первого похода, и какой резней мусульман в Иерусалиме в 1099 году он увенчался. Для изображения идеального рыцарства больше подходили легендарные герои: король Артур и его рыцари, совершавшие подвиги в странах, которые напрасно искать на карте.

Нравственный облик рыцарства XI–XII века

Характерно, что прославленный мастер рыцарского романа Кретьен де Труа, по мнению исследователей его творчества, принадлежал к духовному сословию, выступавшему главным «заказчиком» в смягчении нравов «воинства Христова». Действие в четырех из пяти его романов происходит при дворе короля Артура. В романах де Труа рыцарь – прежде всего христианин, защитник слабых и поборник справедливости; источник его доблести и силы — в Боге, которому он служит и который ему помогает в бою. Моление перед схваткой есть неперемный атрибут поведения рыцаря.

«Ивэйн пораньше встать решил.
В часовню рыцарь поспешил.
Благие помыслы питая.
Как церковь нам велит святая.
С благочестивым дух святой.
Силен своею правотой,
Наш рыцарь богу подчинялся.
И доблести преисполнялся» [де Труа, 2008, 32].

После усердной молитвы богохульное поведение по типу Рауля де Камбре было немислимо; хотя в жизни хватало случаев, когда благородные сеньоры в поисках средств на войну запускали руку в церковные сокровищницы, но они каялись за то и старались, по миновании нужды, возместить причиненный ущерб богатыми вкладами и пожалованиями.

Этика находится в единстве с речевым этикетом, — это хорошо понимали средневековые писатели. На страницах рыцарских романов начала насаждаться и настойчиво воспитываться в рыцарстве *куртуазия* — система правил поведения и набор качеств, включающих самообладание, подчеркнутую вежливость в речах и поступках. Форма, в которую облекался вызов на поединок в романах, уже несла в себе зародыш победы или поражения: бахвалам и оскорбителям никогда не сопутствовал успех, напротив, вежливость выступала залогом уверенности в своих силах. Ланселот, например, спокойно отвечает горячившемуся сопернику перед тем, как повергнуть его в прах:

«Сеньор, — сказал он, — не спешите
И лишних слов не говорите,
Не сейте на ветер слова.
Уважу ваши я права,

Коль таковые все же есть.
Как видите, девицы честь
Нуждается в моей защите.
Вы ей препятствий не чините,
И не страшны вы вовсе ей» [де Труа, 2012, 62].

Куртуазность предполагала изысканную вежливость по отношению к дамам, их защиту, как в приведенном примере, и бескорыстное служение, породив в рыцарстве культ Прекрасной Дамы [Брайант, 2001]. Дамой рыцаря, как известно, могла быть женщина, стоявшая выше его по положению, обычно супруга его сеньора, красоте которой он посвящал свои подвиги, или беззащитное дитя, нуждавшееся в его помощи. Любовь, воспеваемая в рыцарских романах XII в., была, по сути, христовой любовью, чуждой всякой эротике; подчеркнутым платонизмом романтических отношений авторы стремились ограничить грубую чувственность средневекового воинства, которое прежде не чуралось насилия для удовлетворения плотской похоти.

Нравственный облик рыцарства XIII–XIV века

По мере обмирщения Крестовых походов, этот мотив в рыцарской литературе первым претерпел изменения. В самом известном романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (1210) приключения сэра Гавана (Гавейна, в английской транскрипции) уже напоминают эротические похождения героев «Декамерона» Боккаччо. Например, только что спасенной им прекрасной королеве Антикони рыцарь рьяно изливает свой любовный пыл, нисколько не смущаясь тем, что дама даже не знает его имени:

«Весь нетерпением объят,
Он к ней придвинулся поближе
И голову склонил пониже,
Промолвил слышные едва,
Но всем знакомые слова
О страсти, о любовной муке,
О невозможности разлуки,
О том, что мучим он тоской
И потерял навек покой...
И хоть Гавана страсть терзала,
Антикония отказала,
И это — просьба и отказ —
Здесь повторялось много раз...» [де Труа, 2008, 270]

Уместно вспомнить, что незадолго до написания романа в 1204 г. в Четвертом крестовом походе была взята штурмом и разграблена столица восточного христианства. Насколько изменились нравы эпохи по сравнению с «золотым веком» рыцарства де Труа видно из приведенного текста: сэр Гаван ведет себя, как пошлый дон Жуан.

Почти неразличимая у фон Эшенбаха нравственная червоточина, проявляющаяся в снижении отношения к прекрасному полу, в конце XIII – начале XIV века — времени Гарси

Ордоньеса де Монтальво, автора романа «Амадис Гальский», на чтении которого, напомним, «свихнулся» славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский, — стала заметнее. Возрастает жестокость схваток, почти исчезает задорная словесная перепалка, в которой прежде воины, что называется, «показывали себя», — в «Амадесе» герои переходят к рубке после пары немудреных реплик: «Если ты сомневаешься, стоит ли тебе умереть, бросай оружие! Если нет, то этот топор сейчас принесет тебе смерть! — Амадис пришел в ярость и отвечал: «Я тебя не боюсь, хотя ты и большого роста и сильный!» [де Монтальво, 2008, 51]. Перестают рыцари давать противнику передышку, хотя прежде это считалось простой любезностью. В романе значительно больше уловок и недостойных поступков, например, дон Галаора (брата Амадиса) обманывает встреченный им рыцарь, уверяя, что перед ним источник, обладающий волшебной силой исцелять от яда; когда тот решает напиться, рыцарь похищает его коня и доспехи. Сам дон Галаор не может сдержать ярость и убивает обидчика: «Галаор так ударил его мечом, что ему уже незачем было бы обращаться к врачу», — хотя накануне обещал его даме исполнить любую ее просьбу [там же, с. 73]. Каким цинизмом дышит последняя фраза!

Дон Амадис не очень галантен, — он оказывает знаки внимания только тем дамам, что ему нравятся, только красивым женщинам, тем самым идеал Христовой любви выхолащивается, уступая место любви чувственной. В романе рыцари уже не вполне куртуазны: они легко выходят из себя и не исполняют безоговорочно желание женщины, даже не внимают мольбе о милосердии — смертный грех для героев романов XII века.

Важная деталь: выбитые из седла рыцари предпочитают спешить противника, убив под ним лошадь, чтобы поставить его в равные с собой условия. У де Труа такое было невысказано: в «Ивэйне» встречаются такие строки: «Бей всадника, коня не тронь!» [де Труа, 2008, 24] И дело здесь даже не в высокой стоимости боевого коня — речь в XIV в. шла уже о победе *любой ценой*, что раньше посчитали бы бесчестьем. В Столетнюю войну между Англией и Францией лошадей уже расстреливали из луков и арбалетов, рубили мечами и кололи копьями, добираясь до седоков.

Нравственный облик рыцарства XIV–XV века

Безудержная жестокость, воцарившаяся на протяжении целого века резни, в которой с обеих сторон сгинули лучшие представители многих рыцарских родов, нашла отражение на страницах романа Т. Мэлори «Смерть Артура» (1485). В романе перестают жалеть не только лошадей: «Не щади никого ни за золото, ни за серебро, ибо не похвально щадить тех, кто союзничает с сарацинами, — кричит своим воинам король Артур в сражении с римским императором Луцием. — Убивай же всех и не щади ни язычника, ни христианина» [Мэлори, 2014, 217]. Так после битвы при Креси (1346) англичане добились всех тяжелораненых неприятелей, а в сражении при Азенкуре (1415), когда чаши весов колебались, перерезали сдавшихся французских рыцарей, чтобы они не вздумали вновь взяться за оружие.

Поистине библейскому Ироду в романе уподобляется Артур, веля своим подданным выдать ему месячных младенцев, когда Мерлин открыл, что родился тот, кто погубит короля и королевство. По сюжету, корабль, везший детей, затонул, и все малыши, кроме королевского племянника Мордреда, погибли. Это, очевидно, избавило романиста от необходимости придумывать, что бы с ними сделал христианский король. Практика взятия заложников от знати была широко распространена в XIII в. при короле Иоанне Безземельном, правление которого возможно именно поэтому привело к бунту баронов и принятию Великой хартии вольностей.

Герои романа связаны цепью взаимных обид и злодеяний, что очень напоминает отношения в среде рыцарства современной автору Англии, которую после завершения Столетней войны сотрясала династическая распря — война Алой и Белой розы. Сложные взаимоотношения были, например, у рыцаря Балина с волшебницей Владычицей Озера, из-за которой мать героя была сожжена на костре; Балин в свою очередь убил приближенного Артура, который оказался братом Владычицы Озера, за что был посажен в темницу; выбравшись, Балин отрубил голову Владычице Озера, и Артур оказался опозоренным, поскольку не выполнил свой обет за подаренный ей меч Эскалибур, а требовала она головы Балина. Артур, разгневавшись на Балина и изгнав его, не воспрепятствовал мести ему от рыцаря Лансеора, питавшего зависть к Балину за то, что он смог вытащить из ножен волшебный меч, которым была опоясана леди Коломба; последняя же, по слову Мерлина, была страшная лгунья: она просила помощи у Владычицы Озера против своего брата, убившего ее возлюбленного. Балин же убил Лансеора — еще одного возлюбленного леди Коломбы, которая после этого бросилась на меч. Как видим, хоть история и запутанная, но ясно, что все герои романа, рыцари и дамы, далеки от куртуазного совершенства.

Смерть и измена царят на страницах романа. Благородные женщины предаются распутству с безобразными рыцарями и гибнут от рук обманутых влюбленных; чтобы исцелиться от недугов, больной даме требуется серебряное блюдо, наполненное кровью непорочной девицы королевской крови. Не уступает и сильный пол: рыцарь Гарлон нападает предательски, будучи невидимым; здесь также не обходится без «вампиризма» — кровь Гарлона нужна для исцеления раненого Гарлоном. Но дальше всех зашел сэр Гавейн: он бесстыдно переспал с леди Этардой, возлюбленной сэра Пелиаса, хотя прежде клялся тому жизнью и честью, что будет ему верен и предан.

Почти церковное служение рыцарства правде и справедливости обращается у Мэлори в бездумную жажду приключений, гонящую рыцарей в странствия по белу свету, заслоняющую истинную цель их ратного служения. Сэр Пелинор, например, не пожелал прерывать свой квест, хотя встреченная им дама молила во имя Иисуса помочь ей, оказать помощь ее раненому возлюбленному; в результате рыцарь умер, а дама с горя закололась. Другой пример: борясь с великаном, увлекавшимся изнасилованием молодых герцогинь, Артур отсекает тому «срамные части» и демонстрирует их, кощунственно именуя трофеи святыми мощами. Такое поведение не свидетельствует о глубокой вере, двигавшей в свое время героями де Труа.

Вслед за утратой куртуазности в романе сильно поубавилось и благородства в речах: многие рыцари не стесняются начинать свои речи с немислимого пассажа «тьфу на тебя», совсем как герои популярного фильма «Иван Васильевич меняет профессию».

Компенсацией многочисленных извращений рыцарской этики смотрится сюжетная линия, повествующая о поиске Святого Грааля. Не только приблизиться к святыне, но даже просто увидеть его дарующего вечную жизнь и житейские блага, мог только чистый сердцем рыцарь, не тронутый блудным пороком. Из всего сонма достойнейших во всех прочих отношениях полтора сотен рыцарей Круглого Стола такой чести удостоились только трое: сэр Борс, сэр Персиваль и сэр Галахад — из них первый согрешил единожды и случайно, а последние — были рыцарями-девственниками. Характерно, что на пути к Граалю на плотский грех первых двух соблазнял дьявол в женском облике, и только крестное знамение помогло избранникам разрушить его ковы.

Честнее и прагматичнее всех выражается по поводу падения куртуазности сэр Ланселот: «Что же до женитьбы, то жениться нет у меня намерения, ибо тогда я должен спать с женой, оставить брань и турниры, походы и приключения. А любиться и тешиться с разными

женщинами я не согласен, более всего страха Божия ради, ибо странствующим рыцарям не должно быть прелюбодеями и распутниками, иначе не будет им удачи и счастья на войне... У кого есть любовницы, тот несчастлив и нет ему удачи ни в чем» [Мэлори, 2014, 74]. Но эти здравые мысли Ланселота, ненадолго обратившегося к покаянию в поисках Грааля, не спасают его: вновь подпав под власть своего чувства к королеве Гиневре, он губит и себя, и короля, и все королевство. Смерть Артура от руки Мордреда, которого он некогда тщетно пытался убить вместе с прочими детьми, поверив пророчеству Мерлина, подводит итог драме нравственности артуровского рыцарства.

Заключение

Приведенная ретроспектива зарождения, расцвета и угасания воинской нравственности, отраженная в романах артуровского цикла свидетельствует, что у всех европейских народов образ рыцаря на протяжении столетий претерпевал значительные изменения [Хейзинга, 2011]. Пока в рыцарском сословии жива была Христова вера, благородство возвышенного духа, чистота помыслов и стремлений, воспитывавшаяся рыцарскими романами, оно по праву могло считаться элитой средневекового общества. Однако искренняя религиозность рыцарей постепенно сменялась мистицизмом, а идеальная куртуазность в служении Даме вырождалась в чувственность и сластолюбие. Рыцарство убила не только мушкетная пуля, его уход с исторической сцены был обусловлен духовным обнищанием, падением воинской нравственности, придававшей некогда блеск и величие рыцарскому подвигу, внушавшей уважение, любовь и признательность народа.

Библиография

1. Бартлет Р. Становление Европы: Экспансия. Колонизация, изменения в сфере культуры. 950-1350 гг. М.: РОССПЭН, 2007. 432 с.
2. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб.: Евразия, 2001. 576 с.
3. Ефимова Е., Дельбрюк Г. Рыцарство. История военного искусства. М.: Евролинц, 2003. 228 с.
4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
5. Кретьен де Труа. Ивэйн, или рыцарь со львом. Екатеринбург: Автограф, 2008. 394 с.
6. Кретьен де Труа. Ланселот, или рыцарь телеги. Ростов-на-Дону: Foundation, 2012. 326 с.
7. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976. 351 с.
8. Монтальво Гарси Ордоньес де. Очень храбрый и непобедимый рыцарь Амадис Гальский. СПб.: Летний сад, 2008. 272 с.
9. Мэлори Т. Смерть Артура. М.: Эксмо, 2014. 640 с.
10. Хейзинга Й. Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 765 с.

Knight military ethics education in the novels of Arthurian cycle

Sergei E. Zverev

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Budyonny Military Academy of Telecommunications,
194064, 3, Tikhoretsky av., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ser86979392@yandex.ru

Elena Yu. Golubeva

Senior Prosecutor,
Main Department of the Prosecutor General of the Russian Federation,
125009, 15a, Bol'shaya Dmitrovka st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: golubel@yandex.ru

Abstract

An outstanding role in the formation of the worldview of chivalry belongs to the literature of the 11th-12th centuries, which received its name on behalf of the estate, whose life and exploits it sang, idealized and educated – literature of the Arthurian cycle. The basis of her stories was the life story of the legendary King Arthur, who gathered around him a squad of the Round Table, symbolizing equality in the word and prowess of all the heroes sitting behind him. In fact, before the advent of knightly novels, chivalry as such did not exist. The retrospective of the birth, flowering and extinction of military morality, reflected in the novels of the Arthurian cycle, shows that for all European peoples, the image of a knight has undergone significant changes over the centuries. While in the knightly class Christ's faith was alive, the nobility of the exalted spirit, the purity of thoughts and aspirations, brought up by knightly novels, it could rightly be considered elite of medieval society. However, the sincere religiousness of the knights was gradually replaced by mysticism, and the ideal courtesy in the service of the Dame degenerated into sensuality and voluptuousness. Chivalry was killed not only with the musket bullet, its departure from the historical scene was due to spiritual impoverishment, the fall of military morality, which once gave shine and grandeur to the knightly feat, which inspired respect, love and appreciation of the people.

For citation

Zverev S.E., Golubeva E.Yu. (2018) Vospitanie voinskoi nravstvennosti v rytsarskikh romanakh arturovskogo tsikla [Knight military ethics education in the novels of Arthurian cycle]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 8 (2A), pp. 22-30.

Keywords

Military ethics, chivalry, code of honor, military class, courtship, Crusades.

References

1. Bartlett R. (2007) *Stanovlenie Evropy: Ekspansiya. Kolonizatsiya, izmeneniya v sfere kul'tury. 950-1350 gg.* [Becoming a Europe: Expansion. Colonization, changes in the sphere of culture. 950-1350]. Moscow: ROSSPEN Publ.
2. Bryant A. (2001) *Epokha rytsarstva v istorii Anglii* [The era of chivalry in the history of England]. St. Petersburg: Evraziya Publ.
3. Cardini F. (1987) *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [The origins of medieval chivalry]. Moscow: Progress Publ.
4. Chretien de Troyes (2008) *Ivein, ili rytsar' so lvom* [Evan, or the lion knight]. Ekaterinburg: Avtograf Publ.
5. Chretien de Troyes (2012) *Lanselot, ili rytsar' telegi* [Lancelot, or the knight of the cart]. Rostov-on-Don: Foundation Publ.
6. Efimova E., Delbrück G. (2003) *Rytsarstvo. Istoriya voennogo iskusstva* [Chivalry. History of military art]. Moscow: Evrolints Publ.
7. Huizinga J. (2011) *Osen' Srednevekov'ya: issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh* [The autumn of the middle Ages: a study of forms of life and forms of thinking in the fourteenth and fifteenth centuries in France and the Netherlands]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha Publ.

-
8. Mikhailov A.D. (1976) *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French knightly romance and questions of typology of the genre in medieval literature]. Moscow: Nauka Publ.
 9. Montalvo, Garci Ordonez de (2008) *Ochen' khrabryi i nepobedimyi rytsar' Amadis Gal'skii* [Very brave and invincible knight Amadis of Gaul]. St. Petersburg: Letnii sad Publ.
 10. Malory T. (2014) *Smert' Artura* [The Death of Arthur]. Moscow: Eksmo Publ.